

Давным-давно жили по соседству краб и обезьяна. Однажды в погожий день отправились они прогуляться. Идут по горной тропинке – лежит на земле зернышко хурмы. Обезьяна его подобрала, и пошли они дальше. Подходят к реке, и тут краб нашел рисовый колобок. Поднял его краб и показывает обезьяне:

– Смотри-ка, что я нашел!

– А я нашла вот это зернышко! – отвечает обезьяна.

А сама с завистью думает: Эх, мне бы такой колобок! И начала она уговаривать краба:

– Давай поменяемся: ты мне рисовый колобок, а я тебе семечко хурмы.

– Э, нет. Мой колобок вон какой большой...

– Но ведь семечко можно посадить, взойдет оно, вырастет дерево, сколько хурмы ты соберешь, подумай!

Подумал краб и согласился:

– Ну что ж, пожалуй, ты права! – И краб променял свой большой колобок на маленькое семечко хурмы.

Схватила обезьяна колобок и тут же, у краба на глазах стала им лакомиться. А когда съела, сказала:

– До свидания, краб! Спасибо тебе за угощение!

И, посмеиваясь, убежала. А краб поспешил к себе в сад и посадил там семечко.

Посадил и приговаривает:

Скорее всходи, семечко хурмы, а не то раздавлю клешней. Скоро Показались ростки, а затем лист за листом, веточка за веточкой стало дерево с каждым днем все расти да расти. Это очень забавляло и радовало Краба; он испытывал огромное наслаждение при мысли о том, что скоро дерево станет большим и на нем появится много плодов.

Правду говорят, что для каштана и персика надо три, а для хурмы — восемь лет.

Как раз на восьмой год осенью прежнее зернышко, величиной всего с кончик мизинца, превратилось в такое большое дерево, что на него надо было смотреть, задирая голову, и, точь-в-точь как говорила Обезьяна, все оно было увешано, словно фонариками, красными вкусными плодами.

Краб был в восхищении. Ему очень хотелось поскорее попробовать хурмы, но, как ни старался он достать их снизу, увы, никак не мог схватить их своими клешнями, так как был очень низок ростом.

Забраться на ветви дерева тоже не представлялось возможным, ведь крабы могут передвигаться только в одном направлении — вбок. Как тут быть?

«Нет,- огорчился он,- одному мне тут, видно, не управиться; остается только идти к своей приятельнице Обезьяне и просить ее обобрать для меня плоды с дерева. Да, это самое лучшее». В одно мгновение очутился краб у жилища Обезьяны.

— Дома ты, госпожа Обезьяна?

— А, господин Краб! Рада вам, давно мы с вами не виделись.

— Давно-то давно. А за это время то самое зернышко, которое я когда-то выменял у тебя на рисовый шарик, выросло в огромное дерево.

— Вот видишь, я ведь говорила тогда. Ну а как плоды, много их?

— Целая уйма... Только вот в чем штука. Ног у меня, как ты сама знаешь, очень много, но я все же не смог залезть на дерево и не добрался до плодов, которые вырастил с такой заботой. Ну не досадно ли? Совестно мне затруднять тебя, госпожа Обезьяна, но что делать! Пожалуйста, сходи нарви их мне. В награду за твой труд я дам, конечно, тебе одну-две штучки.

— Право же, такие пустяки, старина Краб. Какая тут награда! Ведь мы же с тобой приятели, кажется. Сию минуту я пойду и нарву их тебе.

Выразив так легко свое согласие Обезьяна отправилась вместе с Крабом.

Пришли они к жилищу Краба. Глянула Обезьяна на дерево... А и правда!

Дерево стало очень большим, и все оно увешано красными спелыми плодами.

— Красиво, что и говорить; и хороши же должны быть плоды.

— Ну об этом потом будем толковать, а ты вот полезай скорее на дерево, рви и подавай их сюда.

— Сейчас я так и сделаю.

Обезьяна быстро вскарабкалась на дерево. Мгновенно сорвав один плод, она сразу начала есть его.

— Гм, как вкусно, лучше этого и быть не может. Краб под деревом беспокойно завозился.

— Эй! Да ты там сама лакомишься? Ну, это никуда не годится.

— Это я пробую, не ядовиты ли они.- Она опять сорвала каки и начала жевать.

— Ты опять ешь. Не смей лакомиться там одна, бросай сюда!

— Ладно, сейчас брошу.- И она бросила один плод. Ловко подобрал Краб плод и приготовился чуть ли не целиком проглотить его, но... О ужас! Терпкою горечью связало ему язык и горло.

— Этот совсем горький, сорви, пожалуйста, мне спелых.

— Ну а этот как?

Краб пожевал-пожевал и сплюнул: опять зеленый.

— И что ты только там привередничаешь. Ну вот тебе, вот!

Обезьяна изо всех сил стала бросать совершенно зеленые, твердые как камень плоды, норовя попасть ими Крабу в голову.

— Ой, больно! — не выдержал наконец Краб, падая навзничь.

Обезьяна швырнула еще раз.

— Больно, больно!.. Что ты делаешь?

— Да что мне тут толковать с тобой, все эти плоды мои, а ты пропадай пропадом, издыхай совсем.

И разбойница Обезьяна, как градом, стала сыпать незрелыми каки, разбив ими без сожаления Крабу вдребезги весь его панцирь.

Заметив наконец, что он уже совсем не дышит, она сорвала все до последнего спелые плоды и, схватив их в охапку, без оглядки бросилась домой.

У Краба был сын; в этот день он как раз отправился на прогулку со своим товарищем к дальнему озеру.

Но вот он вернулся с прогулки — и какой же ужас предстал его глазам дома! В саду под деревом распластался бездыханным отец его Краб. Панцирь и клешни были разбиты вдребезги. Он уже не видел, он уже не слышал, он уже был Крабом иного мира.

Видя это. Краб-сын чуть не помешался. Горько, безутешно зарыдал, обхватив бездыханное тело своего отца... Увы! Не вернуть его этим к жизни. Остается одно — отомстить за гибель отца, убив врага. Но кто же это? Где он? Как найти хоть какой-нибудь след? С удрученным видом оглядывался юноша вокруг.

Тут он заметил, что от тех красивых спелых плодов, еще вчера висевших на дереве, не осталось и следа. Кругом валялись во множестве только зеленые, не созревшие плоды, которыми, вероятно, и разбит был панцирь его отца. Молодой Краб хлопнул себя по колену.

«Ну, теперь понимаю. Очевидно, это дело рук Обезьяны. Не раз слышал я от отца, что давно как-то, когда он прогуливался около реки с Обезьяной, он выменял у нее на рисовый шарик зернышко хурмы, которое и посадил вот здесь.

Значит, теперь этой подлой Обезьяне захотелось воспользоваться трудами моего отца, вот она и убила несчастного так по-разбойничьи. Так оно и есть; она унесла все спелые плоды, только зеленые и оставила. Ну, захотелось тебе отведать лакомства, что ж тут такого? Скажи ты об этом отцу, и он, конечно, поделился бы, но убить так предательски и убежать!

Погоди же, подлейшая Обезьянишка, скоро ты узнаешь, как умеет мстить Краб». Он рассердился так, что начал фыркать, изрыгая пену, и глаза его налились кровью; потом задумался опять.

«Как-никак, а Обезьяна — существо, умудренное житейским опытом; она сумела так ловко избавиться даже от моего отца, где же мне с моей неопытностью справиться с нею?»

Долго размышлял он и под конец совсем расстроился, не видя никакого выхода из этого положения, но вдруг у него словно просветлело в голове.

Отец его всегда был в большой дружбе с каменной Ступкой.

Эта Ступка прежде была простым камнем в каменной ограде, где жил старый Краб, но затем она была замечена людьми и сделала блестящую карьеру, добившись высокого звания Ступки. От

природы она непоколебима в принципах и такого характера, что не пойдет на попятную, если даст обещание.

Если ей рассказать все и попросить помощи в отмщении, то она, наверное, не откажет. Не медля ни минуты, молодой Краб отправился прямо к Ступке. Будучи принят ею, он с рыданиями рассказал все обстоятельства ужасной, незаслуженной смерти своего отца.

Слушая его. Ступка глубоко переживала и всячески утешала молодого Краба.

— Какое злодеяние! — возмущалась она.- Могу представить себе, как ты должен быть огорчен; но не беспокойся, пожалуйста, я отомщу, убью врага.

А все же враг-то ведь Обезьяна, и не так легко справиться с нею.- Затем она послала своего слугу просить пожаловать к себе Печеного Каштана, мастера стрелять из ружья, и Большую Осу, учительницу фехтования на копьях. Ступка давно уже находилась с ними в дружбе.

Когда Каштан и Оса пришли к Ступке, раздумывая по пути, зачем она звала их, она обратилась к ним с такой речью:

— Очень благодарна вам, что так скоро пожаловали. Я осмелилась побеспокоить вас по следующему делу. Я пользовалась чрезвычайными милостями со стороны отца присутствующего здесь Краба. Так вот,- и она поведала подробно обо всем,- он понес незаслуженную смерть от Обезьяны, и я решила помочь этому господину, молодому Крабу, отомстить за смерть его отца, но противник наш — известный смельчак, ловкая Обезьяна, и не так просто и легко убить его.

Мне хотелось бы просить вас принять участие в отмщении за смерть старого Краба. Вот почему я побеспокоила вас, попросив прибыть сюда.

Помогите, пожалуйста, убить эту подлую Обезьяну.

Выслушав все это, Каштан пододвинулся ближе и сказал убежденно:

— Из того, что я только что слышал, следует, что причиной ссоры послужил мой товарищ, плод хурмы, и вот я, тоже плод, считаю себя обязанным стать пособником господину Крабу в отмщении. Приказывай, пожалуйста, Ступка, что находишь нужным.

Оса тоже не захотела отстать.

— А я,- заявила она,- очень рада случаю всадить свое копье и отомстить этой подлой Обезьяне, которая причиняла мне немало горя, оскверняя мои жилища.

Ступка была очень обрадована таким единодушием своих приятелей.

— У меня просто прибавляется сил от того, что вы так охотно соглашаетесь. Ну так вот, у меня есть кое-какой план, не знаю только, понравится ли он вам.

— Что за план?

— В любом плане самое важное — скрытность, пододвиньтесь же ко мне поближе.

— Мы слушаем тебя. Ступка.

Говорят, что если три человека совещаются вместе, то и сам Мондзю не сможет придумать ничего мудрее. Ступка, Каштан и Оса, склонившись друг к другу, начали вырабатывать какой-то секретный план, и, ведя свои переговоры шепотом, пришли наконец к какому-то решению.

— Будем же внимательны,- говорил один.

— Не вложим меча в ножны! — мужественно восклицал другой.

На этом они и расстались.

Ступка, которая была особенно дружна с отцом Краба, отправилась вместе с ним в его жилище и, обрядив как полагается тело покойного, благоговейно поклонилась ему.

Обратимся теперь к Обезьяне. Подло убив Краба, забрав все спелые плоды, она была довольна тем, как удачно все закончилось, но, сознавая все-таки, что сделала плохо, она ожидала от родственников страшной мести. Мысль об этом беспокоила ее, и она несколько дней просидела дома, никуда не показываясь и томясь скукой.

Но не занимать наглости Обезьяне.

«Нет,- решила она,- ничего подобного не может быть. Когда я убивала Краба, там не было никого постороннего, опять же Краба я забила насмерть, а мертвые не говорят; следовательно, никто не может и знать, что это дело моих рук, а раз никто этого не знает, то зачем мне самой расстраиваться и бояться. Да, конечно, нечего мне тревожиться об этом».

Успокоив себя такими доводами. Обезьяна выбрала денек и осторожно пробралась к жилищу Краба, чтобы разведать, как обстоят дела. Все оказалось точь-в-точь так, как она решила.

Молодой Краб вовсе и не думает ей мстить. Родственники покойного пришли к тому заключению, что старик сам неосторожно влез на дерево, желая нарвать хурмы, но так как панцирь у него очень тяжел, то ноги не выдержали; он кувырком полетел с дерева и, упав на валявшиеся во множестве твердые, недозревшие плоды, разбился насмерть.

Причина, значит, в собственной неосторожности Краба; он, как говорится, что посеял, то и пожал, и мстить за это, конечно, некому.

Обезьяна успокоилась и решила, что если дело обстоит так, то неплохо было бы ей отправиться к молодому Крабу и выразить свои соболезнования по поводу постигшего его несчастья.

Вот она, обезьянья мудрость: глубоко тонет, да мелко плавает.

Пока обезьяна размышляла над таким положением дел, к ней пожаловал посыльный от Краба. Раздумывая, зачем это он пришел. Обезьяна ввела его внутрь жилища и приготовилась выслушать.

— На днях господин наш, старый Краб, желая нарвать плодов каки в саду, залез, чего бы, собственно, ему не следовало делать, на дерево.

Дело, конечно, для него непривычное; не удержавшись, он кувырком полетел вниз и тут же испустил дух, разбившись о землю.

Сегодня исполняется как раз седьмой день со времени его кончины. Ты была с ним дружна, и сын покойного просит тебя пожаловать на поминки, заранее извиняясь за скромность постного угощения. Кроме того, он просит тебя принять в знак памяти дерево хурмы, которое ему больше не понадобится.

Молодой господин Краб приказал мне просить тебя пожаловать к нам сейчас же, вместе со мной. Посыльный доложил все это очень вежливо.

Выслушав его, Обезьяна сделала вид, что поражена. — Что я слышу?

Господин Краб упал с дерева и разбился насмерть? Да не может быть! Я просто ушам своим не верю. Ай, ай, какое несчастье! Должна сказать правду, есть тут доля и моего греха.

С детства еще жили мы с Крабом душа в душу. Восемь лет тому назад прогуливались мы как-то у реки, и господин Краб нашел рисовый шарик, а я

— зернышко каки. Мы тогда же и поменялись ими. Подумать только, что это злополучное дерево

выросло из того самого зернышка. Жаль, тем более жаль, что сама я, значит, немного замешана в этом... Если бы я знала, что так получится, ни за что бы не дала ему это зернышко, но он так упрашивал, что я все-таки согласилась... А теперь... случилась такая история... Просто слов не нахожу!..

То ли она лизнула тайком перец, но слезы из глаз полились неудержимо, и она непритворно заплакала.

«И откуда берется только у нее? — удивлялся посыльный.- Ну да посмотрим, скоро мы заставим тебя заплакать настоящими слезами».

Но он не подал никакого вида и еще почтительнее сказал ей:

— Как тебя расстроило это, как ты скорбишь! Покойный наш господин Краб радуется, наверное, в глубине своей могилы. А какой ответ прикажешь доложить моему господину?

— Само собой разумеется, какой. Я очень виновата, что, не зная о случившемся, не пришла до сих пор выразить свои соболезнования, но я хочу исправить эту оплошность и сейчас же отправлюсь проститься с усопшим.

— Как доволен будет молодой господин тем, что ты так охотно согласилась пожаловать. Ну, тогда я пойду немного впереди.

— Я сейчас же следом.

— С нетерпением будем ожидать.

— Сейчас, сейчас буду.

— До свиданья.

— До свиданья, очень благодарна.

Когда посыльный ушел. Обезьяна заговорила сама с собой:

«Ну, конечно, так все и есть, никакого подвоха. У этого болвана Краба зря только глаза навывкате, ничего он ими не видит; ни на что путное он не годится. Вот и теперь:

он совершенно не замечает своего врага, который уже рядом. Наоборот, его он настойчиво приглашает проститься с усопшим, спрашивает принять дерево на память... Правду говорит пословица: «Вору же и награда».

Дурак, ну дурак! Но не будем, однако, болтать об этом, все это в мою же пользу. Пойдем, пойдем на их поминки».

Чем дальше, тем наглее и наглее становилась Обезьяна. Одевшись, как подобало случаю, она отправилась в жилище Краба. Там ее почтительно встретили, склонившись до земли, родственники Краба, чинно рассевшиеся справа и слева у каменной ограды. Видя это, Обезьяна с надменным видом медленно проследовала между ними в переднюю.

Здесь ожидал слуга Краба, который, завидя гостью, с приветствием почтительно поклонился, провел ее коридором во внутренние комнаты и пригласил сесть на приготовленное для нее место.

Обезьяна уселась, где ей было указано, и стала отдыхать.

Спустя некоторое время вышел к ней хозяин, молодой Краб.

— Добро пожаловать, госпожа Обезьяна. Прошу извинить, что принимаю тебя в таком убогом жилище,- вежливо приветствовал он ее.

— А-а! Сын покойного Краба! Неожиданно постигло тебя такое несчастье; представляю, как должно быть тебе

тяжело,- отвечала Обезьяна, с важностью высказывая свои сожаления.

Тем временем начались хлопоты по приему гости.

Внесли маленький столик с кушаньями; подали сакэ.

Обезьяна, чрезвычайно довольная, видя, что за ней так ухаживают, совсем забыла про осторожность и стала угощаться, что называется, до отвала.

После обеда гостью провели в чайную комнату, где предстояло пить чай по всем правилам чайной церемонии. Попросив ее отдохнуть здесь, молодой Краб вышел.

Прошло уже порядочно времени, а он все не возвращался.

«Я слышала, что чайная церемония — очень длинная, но мне совсем не под силу терпеть так долго. Ах! Хорошо бы поскорее попить чаю, горло совсем пересохло», - подумала она.

Обезьяна, постепенно отрезвляясь, стала испытывать сильную жажду.

Потеряв всякое терпение и желая выпить хотя бы чашку кипятка, она подошла к жаровне, но только приложила руку к крышке котла, как спрятавшийся заблаговременно там Каштан, рассчитав, что наступил подходящий момент, выпалил в нее так, что только бухнуло, и поразил ее в шею.

Это было для Обезьяны полной неожиданностью, и, ахнув, она повалилась. Но не такая это тварь, чтобы можно было уложить ее с одного раза.

— Ой! Ж...ж...жжет! — завопила она и, зажимая рану, стремительно выбежала из чайной комнаты.

Тут, снаружи дома, поджидала ее спрятавшаяся под навесом Оса.

— Ага! Тебя-то мне и нужно, горная Обезьяна! — И она, выставив огромное острие своего копья, сразу же вонзила его в щеку Обезьяны.

Одна засада за другой; совсем растерялась Обезьяна и, решив, что из всех тридцати шести способов сражаться в настоящее время наилучшим будет бегство, ибо жизнь дороже всего, прикрыла лапами голову и опрометью кинулась прочь.

Но на пути ее уже поджидала Ступка, укрывшаяся в каменной ограде. С глухим грохотом свалилась она на голову пробежавшей Обезьяны и придавила ее к земле. Под тяжестью Ступки Обезьяна не могла даже пошевелиться; распластавшись, она только жалобно стонала.

Тут прибежал уже успевший переодеться в боевые доспехи молодой Краб и, поблескивая перед самой мордой Обезьяны своими унаследованными от отца клешнями, холодно рассмеялся, увидев ее в таком плачевном положении.

— А как ты думаешь, горная Обезьяна, что будет теперь?

— Да, конечно, мне о том...

— Конечно! Об этом и говорить нечего. За то, что ты так безжалостно обошлась с моим отцом...

— Нет... Он сам из-за того, что...

— А! Так ты все настаиваешь на своем?! Ну так я заставлю замолчать твой лживый язык,- сказал он и, раскрыв с щелканьем свои клешни, тут же напрочь отсек голову Обезьяне.

Так славно Краб отомстил Обезьяне за своего отца.